

Министерство образования и науки РФ
Автономная некоммерческая организация высшего образования
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»
Факультет лингвистики
Кафедра теории и практики перевода
Программа высшего образования
Направление «лингвистика»
Профиль «перевод и переводоведение»

ДОПУСКАЕТСЯ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой:

канд. филол. наук, доцент Молчкова Л.В.

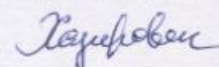
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА
«ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В МЕДИАДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ
ИЗДАНИЙ)

Выполнил:

Хазирович А.Х., группа Л51

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент,
Строева Ю.Ю.

Самара

2017

Оглавление

Введение	3
1. Основные характеристики интертекстуальности	5
1.1. Понятие интертекстуальности и ее виды.....	5
1.2. Интертекстуальность в медиадискурсе.....	12
2. Способы передачи прецедентных феноменов в текстах СМИ на русский язык....	21
2.1. Передача прецедентных феноменов, относящихся к социальной сфере	21
2.2. Передача прецедентных феноменов, относящихся к сфере искусств	29
2.3. Передача прецедентных феноменов, относящихся к области науки.....	36
Заключение.....	44
Список использованной литературы.....	47
Список источников фактического материала	50

Введение

В наши дни явление интертекстуальности широко используется в средствах массовой информации. Читая газету или журнал, просматривая новостные сообщения в сети Интернет, можно легко найти отсылку к литературным, политическим, историческим и другим общекультурным реалиям. Авторы сообщений, стараясь заинтересовать читателя, используют разнообразные стилистические приемы с одной стороны, и рассчитывают на его эрудицию с другой. Какие же знания должны быть в арсенале современного читателя, чтобы понимать статьи таких газет как The New York Times или журналов Aeon и Slate?

Представленное исследование способов передачи явления интертекстуальности на русский язык является актуальным, так как от правильного перевода этого явления зависит адекватное восприятие читателем сообщения в целом.

Материалом данного исследования послужили журнальные и газетные статьи электронных версий англоязычных изданий: газет The Consortium news, The New York Times, The Independent, The Daily Beast и журналов Aeon, Slate, Open democracy, Salon.

Объект исследования – явление интертекстуальности в медиадискурсе.

Предмет исследования – способы передачи интертекстуальности на русский язык.

С целью лексикографического исследования материала использовались словари издательства Oxford University Press: Oxford Dictionary of Idioms, Oxford Idioms Dictionary for learners of English.

Целью данного исследования является изучение способов передачи на русский язык прецедентных феноменов, относящихся к различным сферам деятельности человека, и используемых в современном медиадискурсе.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1) проанализировать понятие интертекстуальности, ее виды и

характеристики;

- 2) изучить и описать основные характеристики медиадискурса;
- 3) выделить функции интертекстуальности в текстах СМИ;
- 4) классифицировать прецедентные феномены по источникам заимствования;
- 5) охарактеризовать способы передачи прецедентных феноменов на русский язык.

язык.

Для решения поставленных задач использовались методы структурно-семантического анализа, которые позволяют вычлениить единицы анализа и установить их специфику и функции в тексте, интертекстуального анализа, а также сопоставительного анализа при сравнении оригинальных и переводных языковых явлений и оценки адекватности их перевода.

Практическая значимость работы заключается в использовании результатов данного исследования в качестве материала для разработки различных спецкурсов по переводу и стилистике, а также при подготовке к написанию студенческих курсовых и дипломных проектов по сходной тематике.

Данная работа имеет следующую структуру:

Во введении обосновывается выбор темы работы, формулируются цели и задачи исследования, дается краткая характеристика структуры работы.

В первой главе уточняются термины и понятия, описываются виды интертекстуальности, дается характеристика медиадискурса, анализируются его характерные признаки и особенности, а также выделяются функции интертекстуальности в текстах средств массовой информации.

Во второй главе прецедентные феномены классифицируются по источникам заимствования и анализируются способы их передачи на русский язык.

В заключении подводятся итоги проведенной работы, определяются перспективы исследования.

1. Основные характеристики интертекстуальности

1.1. Понятие интертекстуальности и ее виды

В настоящее время актуальной проблемой в современной лингвистике является изучение и описание категории интертекстуальности, которая, в свою очередь, представляет собой переход на новый уровень интерпретации текста. Данное явление относится к одной из наиболее актуальных и востребованных категорий современного гуманитарного знания. Надо отметить, что на принципе интертекстуальности основывается неразрывность текстов культуры. Это значит, что неразрывность, целостность текстов возникает в том случае, когда тексты связаны друг с другом или вступают в отношения, которые и составляют, в свою очередь, связную, совокупную культуру.

Интертекстуальность как способ и как прием интересовала еще древних мыслителей. Аристотель писал о необходимости подражания жизни и лучшим образцам при создании произведений и о включении чужого текста в текст оратора [25]. Вместе с тем, теория интертекстуальности прочно вошла в сферу современной массмедийной культуры и успешно применяется в отношении всех видов литературы. Применение интертекстуальности при написании текстов в различных видах дискурса и изучение данного явления помогут понять, каким образом текст достигает смысловой новизны и передает культурную традицию.

Считается, что сам термин «интертекстуальность» одной из первых ввела в научный оборот исследователь истории и теории русского формализма Юлия Кристева, которая определяет текст как пересечение и взаимодействие различных текстов и кодов, поглощающих и трансформирующих друг друга до неузнаваемости [19]. Интертекстуальность, по ее мнению, не может сводиться к вопросу о литературных влияниях и заимствованиях. В это понятие включена категория текста как всеобщей тотальности.

Французский философ Ролан Барт говорит, что каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или

менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры [3]. По его мнению, каждый текст представляет собой новую ткань, созданную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек. Здесь можно вспомнить близкое понятие реминисценции – в литературе этим термином обозначают невольное заимствование, цитату без кавычек. Однако их нельзя путать, реминисценция – лишь частный случай интертекстуальности.

Понятие интертекстуальности в более широком значении – это наличие межтекстовых связей, являющихся результатом производства текста из элементов других текстов или по отношению к другим текстам, с которыми создаваемый текст вступает в своеобразный диалог. Итальянский специалист по семиотике У. Эко понимает под «интертекстуальным диалогом» феномен, при котором в данном тексте эхом отзываются предшествующие тексты [37]. Отзываются они могут в виде непосредственного цитирования, аллюзий, плагиата, пародирования, иронической игры с заимствованными элементами, создания новых вариаций уже существующего.

Советский и российский лингвист, Ирина Владимировна Арнольд рассматривает теорию интертекстуальности с точки зрения композиционной стилистики, отмечая, что разнообразные включения «другого голоса» в текст имеют общий признак – смену субъекта речи, автор может дать слово другому реальному автору и процитировать его в тексте или в эпиграфе [2].

И. В. Арнольд представляет своеобразную классификацию включений по размеру, функциям и экспрессивности, характеризует кодовые включения, показывает, как различные включения реализуются через заглавие, эпиграф и

внутренние цитации.

Для раскрытия понятия интертекстуальности И.В. Арнольд предлагает воспользоваться идеей оптического пространства, в котором можно видеть предметы сквозь линзу. Такой линзой, по ее мнению, для нас оказывается цитата, то есть преднамеренное введение чужих слов. То, что читатель сквозь эту линзу увидит, зависит от первоначального контекста, из которого цитата взята, и от того, в который она помещена, в какой мере она маркирована и трансформирована формально и семантически; все это связано с тезаурусом реципиента, зависит от его умения быть читателем [2, 9].

Французский литературовед и один из основателей современной нарратологии, Ж. Женетт разработал классификацию типов взаимодействия культурных кодов в тексте, порождающих различные разновидности интертекстуальности [31]. Он выделяет собственно интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитектекстуальность. Так, собственно интертекстуальность предполагает сопричастие в одном тексте других текстов в виде цитат, аллюзий, плагиата и т. д. Паратекстуальность возникает как отношение текста к своей части (заглавию, эпиграфу, вставной части и т. д.). Явление метатекстуальности получает выражение в форме вариаций, римейка, ритейка и др. Гипертекстуальность основана на пародийном перекодировании цитируемых источников. Понятие архитектекстуальность служит для обозначения жанровых связей текстов. Все эти типы интертекстуальности могут совмещаться в пределах одного текста, что повышает степень его многозначности [31, 35].

Изучив мнения исследователей касательно вопроса определения интертекстуальности, мы согласны с определением И.В. Арнольд, которая предлагает понимать под интертекстуальностью присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде аллюзий, цитат или целых вводимых рассказов. Нам также представляется важным ее положение о том, что эффективность использования явления интертекстуальности в тексте зависит от

степени известности прецедентного текста и от фоновых знаний читателя, от его умения распознавать текст в тексте.

Говоря о явлении интертекстуальности, необходимо пояснить такое понятие, как прецедентный текст. Под прецедентным текстом мы понимаем текст:

- хорошо известный представителю того или иного национально-культурного сообщества;
- многократно воспроизводимый в речи часто в сжатой форме;
- смысл которого не соответствует сумме значений составляющих его слов;
- самодостаточный для понимания, то есть способный существовать без контекста [5].

К числу прецедентных явлений относятся не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что в свою очередь увеличивает и количество возможных сфер-источников прецедентности. Далее в качестве источников текстовых реминисценций был выделен еще более широкий круг исходных сфер, среди которых Библия, античная мифология, музыка, фольклор, популярные песни, политика. При обращении к различным коммуникативным дискурсам (реклама, средства массовой информации, бытовое общение), возникает необходимость использовать еще более детализированную классификацию сфер-источников: политические тексты, наука, спорт, медицина и др. [24].

Интертекстуальность изучается уже несколько десятилетий, тем не менее, классификация интертекстуальных элементов и связывающих их межтекстовых связей по-прежнему остается проблемным вопросом.

Ученые считают, что интертекстуальность может реализовываться с помощью заимствования, аллюзии, явной или скрытой цитации, перевода, парафраза, подражания, пародии, визуализации, использования эпитафия. За счет интертекстуального взаимодействия текст приобретает смысловую многомерность, так как интертекстуальность актуализирует все множество ассоциативных связей

гигантского, так называемого, «цитатного фонда» [26]. Даже эпитафия рассматривается как интертекстуальный элемент, отражающий основную мысль автора и выполняющий смыслоформирующую функцию, служащий также основой создания смысловых интертекстуальных мостов, то есть связывает данный текст с другими литературными или культурными текстами [2].

Понятие «цитата» подходит для обозначения воспроизведения в тексте одного и более компонентов прецедентного текста. Цитата активно нацелена на узнавание. Поэтому цитаты можно типологизировать по степени их отношения к исходному тексту, а именно по тому, оказывается ли интертекстуальная связь выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста или нет.

К собственно интертекстуальным элементам, образующим конструкции «текст в тексте», относятся и аллюзии. Аллюзия – заимствование определенных элементов прецедентного текста, по которым происходит их узнавание и осуществляется их предикация [7].

Эпитафия – следующая после заглавия ступень проникновения в текст, находящаяся над текстом и соотносимая с ним как целым. Сама необязательность эпитафии делает его особо значимым. Как композиционный прием эпитафия выполняет роль экспозиции после заглавия, но перед текстом, и предлагает разъяснения или загадки для прочтения текста в его отношении к заглавию. Через эпитафии автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений эпох, наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста [6].

Следующий вид интертекстуальности – парафраз, состоящий в изменении лексического состава какого-либо выражения или текста, известных адресату. Замена не должна нарушать ритмико-синтаксическую структуру исходной фразы, должна быть незаметна в этом отношении. Наиболее удачными в этом плане следует признать замены равносложным, близкозвучным или созвучным словом. Таковой, в общих чертах, можно представить технику парафраза.

Еще один вид интертекстуальности – пародия. Пародия – жанр литературно-художественной имитации, подражание стилю отдельного произведения, автора, литературного направления, жанра с целью его осмеяния. Автор пародии, сохраняя форму оригинала, вкладывает в нее новое, контрастирующее с ней содержание, что по-новому освещает пародируемое произведение и дискредитирует его. Пародия непременно должна снижать, дискредитировать стилизуемый объект, и в этом ее отличие от комической стилизации или шуточных подражаний, лишенных такой направленности. И в данном случае очень важно определить объект пародирования. Естественным и неизменным фактором воздействия пародии является текст-оригинал, то есть пародия существует в паре со своим оригиналом [35].

Следующим видом интертекстуальности является визуализация. Если исходить из общего определения информации – любые сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом, то визуализацию, наряду со знаниями, следует рассматривать как специфический тип информации. При этом, исходя из норм русского языка, термин «визуализация» может обозначать некий процесс и его продукт – информационное сообщение специфического вида. И поскольку этот продукт предназначен для человека и потребляется человеком, то конечный результат процесса визуализации существенно зависит от силы воздействия и непосредственного восприятия человеком такого информационного сообщения.

Подражание – еще один вид интертекстуальности. Подражанием называют прием имитации авторского стиля, который состоит в усвоении и присвоении наиболее успешных его сторон.

Аппликация как фигура интертекстуальности представляет собой дословное воспроизведение текста-донора в тексте-реципиенте без указания автора. В специальной литературе нет четкого разграничения между понятиями аппликация и аллюзия. И.Р. Гальперин отмечает, что в структурном плане аллюзия представляет собой «слово или фразу» [18]. Однако по своей номинативной технике аппликация представляет собой полное и точное воспроизведение части текста (как минимум,

словосочетания), в то время как текстовая аллюзия состоит в воспроизведении фрагментарном и неточном.

Из перечисленных выше видов проявления интертекстуальности в нашей работе нам встретились цитаты, аллюзии и парафраз.

Текст, послуживший основой для цитаты, аллюзии или парафраза, должен быть обязательно известен получателю сообщения; в этом плане наиболее прочной опорой указанных фигур считается прецедентный текст. Выразительный эффект приёмов, связанных с опорой на текст, не будет нулевым, если хотя бы один из их возможных адресатов знает текст-ассоциат; в противном случае никакого диалога с автором не возникает. Он не видит текста в тексте, а иной раз может испытать недоумение и даже раздражение; возникает минус-эффект коммуникации, – справедливо считает российский лингвист Е.А. Земская [9]. Если автор не вполне уверен в прецедентной компетенции читателя, он может использовать различного рода предтекстовые опоры – к примеру, на соответствующую литературную цитату, предваряющую парафраз.

В нашем исследовании способов передачи прецедентных феноменов в текстах средств массовой информации на русский язык мы используем классификацию интертекстуальности по источникам прецедентных текстов [23]:

- социальная область, которая подразделяется на такие сферы, как политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт;
- область искусств, к которой относятся такие сферы, как литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор;
- область науки, которая включает, в частности, следующие сферы гуманитарных и естественных знаний: математика, физика, химия, биология, история, география, филология.

Важно отметить, что изучение интертекстуальности в различных сферах коммуникации углубляет представление о тексте не только как лингвистическом, но и социокультурном явлении. Кроме того, теория интертекстуальности позволяет объяснить имманентное свойство текста – способность к приращению смысла,

генерирование новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами.

1.2. Интертекстуальность в медиадискурсе

Дискурс – ключевая категория бытия человека, «вписывающая» его многообразную социально-когнитивную практику в тексты культуры. Специалист в области социолингвистики и дискурс-анализа Джеймс Пол Ги говорил, что для каждого из нас вся жизнь представляет собой совокупность слов, мыслей, событий, предметов, действий и взаимодействий, происходящих в дискурсах [38]. Анализ дискурса и разные подходы к его пониманию представлены во многих исследовательских работах современных ученых-лингвистов, однако они до сих пор не пришли к согласию [11, 39].

Понятие дискурса, как известно, было востребовано практикой научных исследований в связи с необходимостью включения в матрицу осмысления текста не только его лингвистической парадигмы, но и того социально-культурного, идейно-идеологического контекста, к которому он чувствителен и в котором он превращается, по мнению Ю.М. Лотмана, из склада, в котором хранится пустая, безжизненная информация, в генератор новых информационно-смысловых идей [24].

Дискурс – это «коммуникативное событие» по Т.А. ван Дейку [10]. Дискурс представляет собой «запись», то есть объективацию (процесс и результат) посредством вербальных и невербальных знаков социально обусловленного «движения», «синтаксиса» мировоззренчески «заряженной» мысли [36]. Не случайно нидерландский лингвист, один из пионеров теории текста, теории речевых актов и анализа дискурса Т.А. ван Дейк, обращает внимание, прежде всего, на то, что дискурс отражает иерархию знаний, которая необходима при его порождении и восприятии, а советский и американский лингвист А.К. Жолковский определяет дискурс как жизненную позицию и восприятие мира, воплощенные в речи [14].

В своей книге «Власть дискурса» В.Е. Чернявская говорит, что каждый дискурс создает свою особенную, не похожую ни на что, картину мира. Она представляет собой подвижную и упорядоченную совокупность знаний о реальности в том или ином дискурсе, свой алгоритм сочленения смыслов и способов, свой набор дискурсивных формул – слов, фразем, речевых оборотов, клише, то есть особых оборотов речи, характерных для каждого социального института [20, 34].

Каждый тип дискурса реализуется в совокупности определенных жанров, то есть в типовых моделях когнитивной и коммуникативной практики, которые предполагают актуализацию всех процессов, связанных с порождением, организацией, переработкой, хранением, трансформацией и передачей сообщений [38].

Жанр – это фреймовая содержательная структура, сформировавшаяся в практике освоения действительности, фиксирующей устойчивый характер мысли познающего объекта и упорядоченный способ общения с адресатом [24]. По существу, жанр есть тип высказывания в рамках определенного дискурса. Существуют параметры, жанровые признаки, по которым высказывания группируются в жанры. Выделяют две группы таких признаков: коммуникативные и текстуальные [27].

Н. Д. Арутюнова предлагает определение дискурса как связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текста, взятого в понятийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Дискурс – это речь в событийном аспекте [1].

Обобщив информацию о различных подходах к определению дискурса, мы в своей работе придерживаемся мнения, что дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами.

Лингвисты в XX веке поднимали вопрос о том, что первично, текст или дискурс [8]. Акцент на динамической стороне дискурса, а также на первичности дискурса по отношению к тексту является одним из ключевых аспектов в трактовке дискурса в теории коммуникации: дискурс здесь понимается как коммуникативное действие, в ходе которого продуцируются и артикулируются тексты. Сторонники теории о том, что текст первичен, ссылаются на то, что дискурс актуализирует язык (как абстрактную знаковую систему) и тексты (как абстрактные ментальные конструкции) [38]. И все же, текст и дискурс взаимозависимы. Любой дискурс также является текстом. Но не каждый текст – это дискурс. Так, например, книга, находящаяся на полке будет текстом, пока не попадет в руки читателя (адресата). Принципиальными различиями между дискурсом и текстом считают следующие:

- дискурс – прагматичен, текст – исключительно лингвистическая категория;
- дискурс – категория процесса, текст – категория результата (он статичен);
- текст – абстрактная конструкция, дискурс – ее актуализация.

Дискурс возникает там, где высказывание имеет социальные последствия; текст представляет собой некую конструкцию, форму, наделенную характеристиками смысловой целостности и грамматической завершенности. Дискурс является атрибутом коммуникативно-социального поля, текст – атрибутом сознания. Исследователь дискурса сосредоточится на том, что высказывание относится к конкретному действию, которое имеет социальный характер и обладает вполне определенным, ситуативным практическим смыслом. Оно уместно в пространстве, где есть объект и по отношению к нему есть возможность совершить определенные действия или воздержаться от их совершения (проходить или нет). Иначе использование данного высказывания лишается практического смысла. Исследователя текста будут интересовать внутренние синтаксические и смысловые связи высказывания и его когнитивный эффект.

Дискурс описывается как процессуальная категория в силу своей потенциальной незавершенности, текст же является результатом намеренной деятельности человека. В дискурсивном поле значение высказывания всегда

формируется и развивается в процессе воспроизводства дискурсивных элементов: каждое последующее высказывание уточняет, дополняет или же опровергает предыдущие высказывания. В дискурсе смысл сказанного – всегда в последующих, еще не актуализированных высказываниях, в то время как в тексте смысл – в том, что уже сказано [14].

Исходя из того, что сам термин «дискурс» многозначен, и не существует его единственного правильного определения, следует отметить, что типология дискурса так же неоднозначна. Разные варианты типологии дискурса представлены в работах Г.Г. Почепцова, Г.М. Яворской, Ф.С. Бацевича, В.И. Карасика.

Так, Г.Г. Почепцов классифицирует дискурсы с позиций: особенностей речи в контексте дискурса, особенностей знакового отражения реальной ситуации этим дискурсом и особенностями коммуникативной ситуации. Ученый выделяет: теле- и радиодискурс, газетный, театральный, кинодискурс, литературный, дискурс в сфере «публич рилейшнз», рекламный, политический, тоталитарный, неофициальный, религиозный, неправдивый, ритуальный, этикетный, фольклорный, мифологический, праздничный, невербальный, межкультурный, визуальный, иерархический, иронический [33].

Г.М. Яворская типизирует дискурсы исходя из: сферы функционирования (научный дискурс, политический дискурс), ситуации общения (телефонные разговоры, экзаменационный диалог), принципов строения сообщения (нарративный дискурс), прагматических целей (инструкции, законы, дидактический дискурс) [27].

В.И. Карасик предлагает выделять два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный [14]. В первом случае говорящий выступает как личность, во втором случае – как представитель определенного социального института.

В классификации В.И. Карасика, персональный дискурс представлен двумя основными разновидностями – бытийный и бытовой дискурс [17].

Институциональный дискурс, по мнению В.И. Карасика – это

специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [14]. Он выделяет следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный.

В условиях современного общества, культурной доминантой которого становится производство и распространение смысла, в котором важнейшей движущей силой является информация и в котором ее производство и управление становится культурным, идеологическим и маркетинговым проектом, ключевым дискурсом, реализующим движение социальной мысли и формирующим концептуальную картину мира человека, становятся дискурс масс-медиа.

В своем исследовании мы рассматриваем медиадискурс, который относится к институциональному типу дискурса на примере статей англоязычных электронных изданий.

Основной задачей медиадискурса является непосредственное воздействие на общественное сознание и поведение, а также приведение их в соответствие с разрабатываемыми обществом нормами и правилами с целью достичь наибольшего блага. Целью медиадискурса является внедрение настоящей разнообразной социальной жизни человека в тексты культуры [24].

Характерными признаками массмедийного дискурса являются:

- открытость и сфокусированность на социально резонансных фактах и их концептуально-эмоциональная разработка;
- открытая социальная оценочность, позволяющая оказать моделирующий эффект [28];
- оказание моделирующего эффекта;
- открытая мировоззренческая позиция, обеспечивающая репрезентацию социально-оценочных суждений (мнений) и идеологическое сопровождение «событий социальной мысли», то есть обсуждаемых обществом идей и

- предлагаемых им социальных проектов [30];
- оценочно-идеологическая модальность и связанная с ней стратегия фокусирования, то есть регулирование направленности мысли на те или иные фрагменты социальной практики, и стратегия оценивания;
 - использование разностилевых средств и способов для репрезентации социальной реальности [24];
 - «фрагментированная картина мира», отражающая характер, форму и «синтаксис» востребованной социальной мысли [29].

Особенностью медиадискурса является то, что в нем когнитивные механизмы социальной памяти обусловлены идеологией [18].

Н. Ф. Алефиренко уточняет, что медиадискурс – это, с одной стороны, образование событийного характера вместе с социокультурными, психологическими, прагматическими, паралингвистическими и другими факторами. А с другой стороны – это социальная деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности. Отличительным признаком данного типа дискурса с одной стороны является коммуникативное событие как синтез языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации [1].

Следовательно, массмедийный дискурс осознается как социально обусловленный процесс производства и трансляции в массмедийных текстах социально значимых содержательных форм, обнаруживающих особенности общественного сознания и массмедийной картины мира. Как замечает Г.Я. Солганик, создавая картину мира, журналисты прибегают к помощи научных исследований (философских, политических, социологических и т.д.), но от этого творимая ими картина не становится научной. У публицистики свое видение мира – создание картины мира с точки зрения человека в обществе [30].

Основными дискурсивными практиками, то есть распознаваемыми речемыслительными типами деятельности, реализующими цели медиадискурса, являются [16]:

- обеспечение доступности информации для широкой аудитории;
- тиражирование – увеличение количества репрезентаций одной и той же информации, ее повторяемость;
- репликация – воспроизведение того же информационно-идеологического содержания в другой форме;
- ротация – регулярно-периодическое обновление информации;
- перекодирование – воспроизведение того же информационно-идеологического содержания в другой знаковой (кодовой) системе (вербальной, аудиальной, визуальной, синтетической);
- развертывание логико-смысловое, образно-метафорическое и др.;
- информационно-идеологическое сопровождение – регулярная актуализация информации, ее оптимизация (корректировка содержания и формы с целью повышения эффективности) и комментирование, продвижение или оппонирование [33].

Свою сущность медиадискурс как коммуникативный, когнитивно-прагматический феномен, реализует посредством трансляции смыслов как дискурсивных событий, дискурсивных формул, трансляции именованных, метафор, понятий, образов, оценок, мифологем, идеологем и др. на широкую, признаково-неоднородную аудиторию с целью формирования общих мировоззренческих принципов [24].

Интертекстуальные ссылки в любом виде текста способны к выполнению различных функций из классической модели функций языка, предложенной одним из крупнейших лингвистов XX века Р. Якобсоном [18].

Интертекстуальность широко используется в текстах средств массовой информации и выполняет ряд функций: экспрессивную, апеллятивную, поэтическую, метатекстовую, референтивную [9,36].

Экспрессивная функция интертекстуальности проявляется в той мере, в какой автор текста посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических

установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т.д. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является (иногда невольно) немаловажным элементом самовыражения автора.

Апеллятивная функция интертекстуальности проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию. В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части читательской аудитории. Реально в случае межтекстового взаимодействия апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей): они сливаются в единую опознавательную функцию установления между автором и адресатом отношений «свой/чужой» [8].

Следующей функцией интертекстуальности является поэтическая, во многих случаях предстающая как развлекательная: опознание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьировать в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма до профессиональных разысканий, направленных на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста, возможно, даже и не думал [24].

Интертекстуальность может выполнять референтивную функцию передачи информации о внешнем мире. Это происходит постольку, поскольку отсылка к иному тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте (претексте). Степень активизации варьируется в широких пределах: от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике,

аргументации, эмоциях при его восприятии и т.д. За счет этого интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически «возвышать» или, наоборот, снижать содержащий их текст [35].

Интертекстуальность выполняет и метатекстовую функцию. Для читателя, опознавшего некоторый фрагмент текста как ссылку на другой текст (очевидно, что такого опознания может и не произойти), всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо – для более глубокого понимания данного текста – обратиться к некоторому тексту-источнику, благодаря которому опознанный фрагмент в системе читаемого текста выступает как смещенный. Для понимания этого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником, т.е. определить толкование опознанного фрагмента при помощи исходного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции [36].

Для правильного понимания статей современных электронных версий газет и журналов читатель должен обладать фоновыми знаниями в различных областях, должен знать, что происходит в мире сейчас, должен быть в курсе основных политических и социально-культурных событий, чтобы «видеть» прецедентные феномены в тексте, понимать их и, следовательно, адекватно воспринимать всю информацию. А переводчику, как профессионалу, в чьи обязанности входит максимально полно передать смысл текста с языка одной культуры на другой, необходимо не только быть в курсе последних событий, но также необходимо иметь большой социокультурный багаж знаний для выполнения адекватного перевода.

2. Способы передачи прецедентных феноменов в текстах СМИ на русский язык

2.1. Передача прецедентных феноменов, относящихся к социальной сфере

В нашем исследовании способов передачи прецедентных явлений в медиадискурсе на русский язык использована следующая рабочая классификация: прецедентные феномены, относящиеся к социальной области, к области искусств и к области науки. Социальная область подразделяется на такие сферы, как политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт. В исследуемых нами текстах электронных средств массовой информации нам встретились феномены, относящиеся к области политики, войны и к сфере развлечений. Мы считаем, что это объясняется типом исследуемого нами дискурса. Рассматриваемые в нашей работе газеты и журналы рассчитаны на широкую читательскую аудиторию, а такие темы как экономика или медицина чаще рассматриваются в узкоспециальных журналах. Образование и медицина являются самыми редко обсуждаемыми темами на международном уровне и статьи по этим темам переводятся либо в специализированных изданиях, либо если события вызывают большой резонанс в обществе. А тема криминала является слишком узкой для изданий, размещаемых в Интернете и переводимых на иностранные языки, т.к. эта тема в основном обсуждается в масштабах города. Политика и война – самые актуальные темы, т.к. всегда вызывают бурное обсуждение и, так или иначе, касаются многих, а статьи, относящиеся к сфере развлечений, рассчитаны на то, чтобы привлечь к данному изданию более широкий круг читателей.

В нашей работе мы выделяем явления интертекстуальности с помощью подчеркивания.

Рассмотрим первый пример, который относится к политике:

Vilinsky told The Daily Beast the Donbas barrier in any form would be worse than Donald Trump's wall. The comparison comes to the mind of many Ukrainians these days.

Примером интертекстуальности является фраза Donald Trump's wall. Автор статьи подразумевает осведомленность читателей о последних политических

событиях, в частности о резонансном законе нового президента США, по которому нужно защитить Америку от мигрантов из Мексики, построив стену, разделяющую не только эти страны, но и семьи, которые живут в этих странах, подобно разделению России и Украины. В данной статье явление интертекстуальности выполняет референтивную функцию, т.к. идет отсылка к иному тексту, к чему-то, что было известно ранее.

Перевод на русский язык:

Вилинский сказал The Daily Beast, что любой барьер на Донбассе будет хуже, чем стена Дональда Трампа. Сегодня это сравнение приходит на ум многим украинцам.

Пример интертекстуальности был переведен без переводческих трансформаций, т.к. по мнению автора, ситуация в Украине, как и ситуация с законом Трампа знакома очень широкому кругу людей, и среднестатистический читатель способен провести аналогию между событиями в статье.

Следующий пример также относится к сфере политике:

Yet it's not so much Belarus that is changing, but Russia. Dmitry Medvedev once said that «there's no money, but you'll deal with it». Now, it's not that there's no money, but Russia is less inclined to share it with to Belarus.

Примером интертекстуальности является прямая цитата премьер-министра Российской Федерации, которую он произнес на встрече с пенсионерами, показанная по центральному телевидению. Знаменитая фраза премьер-министра, показывающая беспечность правительства, пришлась кстати, т.к. отображает нынешнюю ситуацию не только в России, но и в Белоруссии.

Перевод на русский язык:

В первую очередь, по-видимому, потому, что меняется не столько Белоруссия, сколько Россия. Во-первых, «денег нет, но вы там держитесь», как говорил Дмитрий Медведев. Ну не то чтобы совсем нет, но их теперь жалче давать Белоруссии».

Как мы видим, при переводе цитаты не использовалось трансформаций и

сохранилась прямая цитата премьер-министра, ставшая уже своего рода характеристикой и символом положения дел в России. Данная цитата ушла в массы и стала показателем не только тяжелой финансовой ситуации в стране, но и общего положения дел.

Рассмотрим еще один пример, относящийся к социальной сфере (политика и экономика):

He recalled a dinner in New York City after 9/11 and the bursting of the dot-com bubble: «A group of centi-millionaires and a couple of billionaires were working through end-of-America scenarios and talking about what they'd do. Most said they'll fire up their planes and take their families to Western ranches or homes in other countries».

В данном отрывке примером интертекстуальных включений являются отсылки к двум событиям: взрыв башен близнецов, произошедший 11 сентября 2001 года и название экономического явления – взрыв, так называемого, «пузыря доткомов». Теракт 11 сентября является одним из ключевых моментов в политической истории США, которое потрясло весь мир, и после которого жизнь в Америке претерпела ряд изменений, как в области безопасности, так и в социальной сфере. «Пузырь доткомов» – экономический феномен, представляющий собой экономический пузырь (продажу ценных бумаг по значительно завышенным ценам), существовавший в период приблизительно с 1995 по 2001 год. Он образовался в результате взлета акций интернет-компаний, а после его взрыва многие финансовые компании были разорены.

В данной статье прецедентный текст выполняет референтивную функцию передачи информации о внешнем мире, т.к. влечет активизацию известной по предшествующим событиям информацию. Мы считаем, что в этом случае можно говорить о метатекстовой функции интертекстуального включения «пузырь доткомов», так как автор предлагает читателю определить толкование этого фрагмента при помощи исходного текста, если читатель не обладает достаточными фоновыми знаниями.

Перевод на русский язык:

Он вспомнил ужин в Нью-Йорке после событий 9/11 и взрыва пузыря доткомов: «группа санти-миллионеров и несколько миллиардеров прорабатывали сценарии падения Америки и говорили о том, что будут делать дальше. Большинство сказали, что поднимут в воздух свои самолеты и вывезут семьи на западные ранчо или дома в других странах».

При переводе явление интертекстуальности также сохранилось. Автор статьи не использовал никаких фоновых ссылок или дополнительной информации, т.к. эти события имеют значение мирового масштаба и не нуждаются в пояснении.

Рассмотрим пример, относящийся к политике, но с исторической подоплекой:

The source added: «I know there is a danger if you are doing a very big case and you are a small company, and you get something that seems really great, that you develop patterns of group think, and you start to believe your stuff – as happened for example with the Niger yellowcake story [that Saddam Hussein had tried to buy yellowcake uranium for nuclear weapons]».

Примером исследуемого нами явления здесь является словосочетание *the Niger yellowcake story*. Как мы можем знать из истории, Дж. Буш заявил, что Саддам Хуссейн намеревался создать атомное оружие. Позднее газета «The New Yorker» выпустила статью, в которой говорилось, что заявление американского президента было основано на поддельных документах. Вслед за этой публикацией Белый Дом признал недоказанность этого факта, и назвали речь своего лидера необоснованной. Как мы можем заметить, автор статьи использовал дополнительную информацию в скобках, чтобы не оставалось сомнений, что все читатели смогут понять смысл аналогии. Мы считаем, что явление интертекстуальности выполняет метатекстовую функцию, т.к. внутри основного текста содержится еще один (история о предполагаемой попытке властей Ирана создать атомное оружие), что влечет за собой активизацию информации в сознании читателя.

Перевод на русский язык:

Источник добавил: «Я знаю, что есть опасность, когда вы работаете над очень большим делом и являетесь небольшой компанией, и вы получаете нечто, что кажется реально большим, и у вас развивается схема обсуждения группой и вы начинаете верить собственному материалу, как это случилось, например, с историей о нигерском урановом концентрате [что Саддам Хусейн пытался приобрести урановый концентрат для ядерного оружия]».

При переводе на русский язык переводчик сохранил добавления автора оригинальной статьи, что значительно упрощает понимание смысла в целом. Все-таки, информация в статье является специфичной и без обширных политических знаний понять ее довольно трудно.

Следующий пример относится к тематике войны:

His «intelligence analysis» expertise has been approved by Clovis Meath Baker, director of intelligence production at GCHQ from 2010 to 2013, with prior experience of working in Afghanistan during the Russian occupation and Czechoslovakia during the Velvet Revolution.

В данном примере мы видим отсылку к событиям в Афганистане в 1979-1989 годах, в ходе которых был совершен военный переворот. Президент страны М. Дауд был убит. Власть перешла в руки Народно-демократической партии Афганистана. На весь мир было объявлено, что произошла социалистическая революция. Автор также упоминает Бархатную революцию в Чехословакии, бескровное свержение коммунистического режима в результате уличных акций протестов в ноябре-декабре 1989 года.

Автор статьи предполагает, что читатели осведомлены, что Бархатная революция – это массовые народные выступления в 1989–1990 гг., в результате которых, был свергнут коммунистический строй в странах Восточной Европы.

Явление интертекстуальности выполняет референтивную функцию передачи информации т.к. автор, ссылаясь на прецедентный текст, подразумевает осведомленность читателей об этих событиях и не считает нужным дополнительно о них рассказывать. Однако, для адекватного понимания статьи необходимо наличие

знаний о «Бархатной революции».

Перевод на русский язык:

О его профессионализме при «анализе разведывательных данных» положительно высказался Кловис Мит Бейкер, директор по сбору разведанных в Центре правительственной связи с 2010 по 2013 год, с предыдущим опытом работы в Афганистане во время русской оккупации и в Чехословакии во время «Бархатной революции».

В данной статье переводчик не применял трансформации, т.к. термин «Бархатная революция» и названия военных событий являются общеизвестными историческими фактами. Эти события широко обсуждались в мире, и имеют достаточно весомые последствия для истории.

Следующий пример из сферы войны:

The Warsaw Rising was to last for only 63 days, but the death toll was up to 200,000 – half the total deaths of the entire Syrian war, even by the dodgy statistics upon which journalists currently depend. Warsaw in 1944 was total war indeed – even if we forget later massacres of even greater bloodshed: the Korean War, the Vietnam War, the 1991 and 2003 Iraqi wars, the Afghan wars, the Algerian war of independence against the French with a minimum of a million dead, which the French appear to have forgotten. The «worst massacre since World War Two» indeed!

Примерами прецедентных феноменов, к которым обращается автор, являются названия военных действий в различные периоды истории. В данной статье производится сравнение самых кровопролитных войн XX века и событий в Сирии. Автор статьи подразумевает осведомленность читателей о недавних событиях в Сирии и уделяет особое внимание тому, что они не являются самыми страшными со времен Второй мировой. Предполагается, что читатель, вслед за автором, в состоянии сопоставить эти события.

В данной статье явление интертекстуальности выполняет референтивную и метатекстовую функции, поскольку идет отсылка к историческим реалиям, известным (или неизвестным) получателю сообщения.

Перевод на русский язык:

Варшавское восстание продлилось всего 63 дня, но число погибших достигло 200 тысяч. Это всего в два раза меньше, чем за всю сирийскую войну – даже по тем неточным данным, на которые приходится опираться журналистам в настоящий момент. В Варшаве в 1944 году шла полноценная война на уничтожение. Она выглядела так даже на фоне позднейших, еще более кровопролитных конфликтов: Корейской войны, Вьетнамской войны, Иракских войн 1991 и 2003 годов, Афганских войн, унесшей не менее миллиона жизней войны за независимость Алжира от Франции (о последней французы предпочитают не вспоминать). Значит, «самая страшная резня» говорите?

При переводе на русский язык переводчик не использовал пояснений или фоновых ссылок, ожидая от читателя знаний как исторических событий, таких как вышеупомянутые войны, так и знаний о последних событиях в Сирии.

Рассмотрим следующий пример, относящийся к области развлечений, но имеющий политическую подоплеку:

The night included political statements, some more overt than others. Katy Perry performed her new single «Chained to the Rhythm» in a white pantsuit and a sparkling armband that said Persist, an apparent reference to Senator Elizabeth Warren.

В данном случае примером интертекстуальности является надпись на повязке певицы, которая переводится «настойчиво продолжать». Более того, далее по тексту прямо указано на то, что эта надпись, в свою очередь, является ссылкой на некое высказывание сенатора Елизабет Уоррен. Для адекватного восприятия информации в статье, читатель англоязычных изданий должен понять суть послания, заложенного в выступлении певицы. Для этого нужно знать последние политические события в Америке. В частности, о политическом конфликте с сенатором Уоррен. Суть данного конфликта заключается в том, что на заседания Сената ее попросили прекратить чтение письма вдовы Мартина Лютера Кинга. Как потом стало известно: «Ее предупредили. Ей объяснили. Но она продолжила». Эта фраза сразу стала символом борьбы за права женщин. Мужчины-республиканцы

запретили женщине-демократу прочитать текст, написанный чернокожей женщиной.

По нашему мнению, в данном примере явление интертекстуальности выполняет экспрессивную функцию, т.к. автор (в этом случае певица Кэти Перри) посредством интертекстуальных ссылок (повязка на плече) сообщает о своей поддержке сенатору и выражает свой протест по поводу данной ситуации. Автор же статьи, в свою очередь, отсылает читателя к информации, «заложенной» в этой надписи. Помимо экспрессивной функции, прецедентный феномен выполняет референтивную и метатекстовую функции. Первая выражается в отсылке прошлым событиям: к выступлению сенатора, к ее бойкотированию и т.д. А благодаря второй функции, мы можем распознать смысл послания певицы. Надпись на повязке является маркером, благодаря которому, получатели послания без труда догадаются о чем речь.

Перевод на русский язык:

На этой церемонии вручения «Грэмми» прозвучали политические заявления, как завуалированные, так и не очень. Кэти Перри исполнила свой новый сингл «Chained to the Rhythm» в белом брючном костюме с нарукавной повязкой, на которой было написано слово «Persist» – очевидный намек на позицию сенатора Элизабет Уоррен, одного из самых жестких критиков Трампа.

При переводе на русский язык переводчик применил прием конкретизации, заменив слово the night на поясняющее выражение «церемония вручения Грэмми», т.к. русскоязычному читателю было бы не понятно, о какой ночи идет речь. Переводчик не перевел глагол persist, так как это надпись на нарукавной повязке, которая, в свою очередь является отсылкой к цитате, обращенной к Уоррен «She was warned. She was given an explanation. Nevertheless, she persisted». Переводчик не поясняет русскоязычному читателю, в чем состоит позиция сенатора, предлагая ему обратиться к прецедентному тексту.

Как видно из приведенных примеров, при переводе прецедентных феноменов, относящихся к социальной сфере, переводчики не прибегают к

лексическим или грамматическим трансформациям и не используют фоновые ссылки и пояснения. Мы считаем, что это происходит потому, что, по мнению переводчиков, эти события являются широко известными для каждого читателя вне зависимости от страны проживания. Авторы переводов считают, что события, описываемые в статьях, так или иначе, на слуху у каждого читателя и не нуждаются в пояснениях. Исходя из этого, современный читатель должен обладать фоновыми знаниями, т.е. помимо того, что происходит в настоящее время, читатель должен знать ключевые моменты из истории, как своей страны, так и других стран. Также, нужно иметь представление о культуре и искусстве, иметь общее представление о событиях, происходящих в политике и спорте, быть в курсе важных экономических событий. Таким образом, не произойдет искажения смысла статьи, позиция и мысли автора будут поняты максимально адекватно.

2.2. Передача прецедентных феноменов, относящихся к сфере искусств

К сфере искусств относятся такие области, как литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор. В исследуемых нами текстах электронных средств массовой информации нам встретились феномены, относящиеся к области кино, литературы и фольклора.

Рассмотрим примеры, относящиеся к области кино:

Well, there's no way to pretend the singing and dancing in «La La Land» is any better than it is. It is no «Top Hat» or «West Side Story» and Donald O'Connor does not need to worry about being eclipsed by the skill level here.

В данном случае примерами интертекстуальности являются названия фильмов. Фильм «Тор Нат» – это настоящая классика мирового кинематографа. Это очень лёгкий фильм со смешными шутками, замечательными песнями и танцами. В фильме сыграли легендарные актёры. Фильм «West Side Story» признан одним из этапных и новаторских в жанре киномюзикла. В данной ленте довольно свободно и в соответствии с законами музыкально-танцевальной драматургии переосмыслен

сюжет «Ромео и Джульетты». Этот фильм до сих пор входит в сотню самых кассовых картин за всю историю американского кино. Таким образом, автор статьи подразумевает осведомленность читателей о классике мирового кинематографа. Далее автор сравнивает эти два фильма с недавно вышедшим и довольно нашумевшим фильмом «Ла-Ла Ленд», который имеет схожий сюжет, прекрасных актеров, однако не вызывает однозначной и безусловной симпатии.

Данное интертекстуальное включение выполняет референтивную функцию передачи информации о внешнем мире, поскольку, отсылка к иному тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте.

Перевод на русский язык:

Конечно, никак нельзя приукрасить пение и танцы в «Ла-Ла Ленд». Это не «Цилиндр», не «Вестсайдская история», и никто не может здесь конкурировать с Дональдом О'Коннором своим уровнем мастерства.

Как мы можем видеть, при переводе интертекстуальных включений не использовались ни переводческие трансформации, ни пояснения. Переводчик сохранил те названия фильмов, под которыми они были показаны в свое время русскоязычному зрителю, сохранив тем самым референтивную функцию интертекстуального включения. Подразумевается, что, если читатель захочет сформировать собственное мнение о фильмах, он сможет их посмотреть или прочитать отзывы.

Рассмотрим еще один пример из сферы кино:

These false growth numbers have one purpose only: for the public to keep the incumbent powers that be in their plush seats. But they could always ever only pull the curtain of Oz [Wizard of Oz] over people's eyes for so long, and it's no longer so long.

Явление интертекстуальности – это отсылка к сказке «Волшебник Изумрудного города», которая выполняет референтивную функцию, т.к. происходит отсылка к другому литературному произведению. Автор англоязычной статьи дал пояснение, из какого прецедентного источника он заимствовал выражение *curtain of*

Oz, на тот случай, если читатели статьи не поймут аналогию, в силу недостатка фоновых знаний.

Перевод на русский язык:

У этих ложных цифр роста только одна цель: чтобы общественность сохранила в их роскошных креслах действующих лиц, облеченных властью. Но они могут вводить людей в заблуждение с помощью занавеса Oz [Вошебника страны Oz – Вошебника Изумрудного города в русской версии] лишь какое-то время, и это время уже прошло.

При переводе явления интертекстуальности переводчик включил дополнительную информацию в виде фоновой ссылки. Он не только сохранил уточнение автора, но и добавил название сказки, под которым она известна русскоговорящим читателям, чтобы свести к минимуму неадекватное восприятие информации в статье.

Следующий пример:

Still, like Frankenstein's Monster, it is an overpowering and fearsome creation. There isn't much subtlety to the debates about human consciousness and artificial intelligence, nor is there much complexity to the gruffly violent characters, but the film has a nightmarish atmosphere all of its own.

Примером интертекстуальности в данной статье является отсылка к произведению Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818). Автор подразумевает, что читатели знают, что монстр Франкенштейна – один из главных действующих лиц романа, а также персонаж множества книжных, драматических и кинематографических адаптаций его сюжета. В романе Виктор Франкенштейн хочет создать живое существо из неживой материи. В результате у него получается существо, вид которого самого Франкенштейна повергает в ужас. Следовательно, для адекватного восприятия статьи читателю нужно знать, что монстр Франкенштейна – это существо, вид которого повергает всех в ужас и которое совершает бессмысленные и жестокие убийства.

Как мы можем заметить, в статье явление интертекстуальности выполняет

референтивную функцию, т.к. нам предлагается актуализировать имеющуюся у нас информацию об этом монстре. Только в этом случае сравнительный оборот автора не утратит силу.

Перевод на русский язык:

Подобно монстру Франкенштейна этот фильм представляет собой неотразимое и внушающее страх творение. Споры о человеческом сознании и искусственном интеллекте лишены какой-либо утонченности, а угрюмые отрицательные персонажи кажутся довольно плоскими, однако этот фильм передает весьма самобытную атмосферу кошмара.

В данном примере явление интертекстуальности переведено дословно, т.к. «монстр Франкенштейна» уже стало нарицательным существительным, известным не только в западной культуре, но и в русскоязычной.

Рассмотрим еще один пример из области кино:

Beauty and the Beast is simply a cover version of a chart-topping song, played with such anonymous competence that Condon's motto must have been, «It ain't broke, don't fix it». Another motto might have been better: «If it ain't broke, don't remake it».

Примером интертекстуальности в статье является пословица. Автор ссылается на пословицу и преобразует ее, чтобы лучше объяснить смысл данного высказывания.

Перевод на русский язык:

Переснимать «Красавицу и чудовище» – все равно, что перепевать песню, возглавляющую хит-парад. И сделано это было с такой безликой тщательностью, словно Кондон руководствовался принципом «От добра добра не ищут». Хотя здесь, пожалуй, было бы уместнее сказать: «От римейка добра не жди».

При переводе поговорки на русский язык было найдено русское соответствие пословицы, а при переводе перефразированной пословицы была перефразирована русскоязычная пословица. По нашему мнению, английская пословица более точно отражает суть содержания статьи (не стоит переделывать то, что и так хорошо сделано). Русская пословица имеет более широкое значение, а когда переводчик

давал переделанный вариант, он старался максимально приблизить перевод к смыслу, заложенному в статье, добавив слово «ремейк». Таким образом, перевод в той части, где использована интертекстуальность, можно считать, хоть и не эквивалентным, но адекватным.

Следующий пример:

In a way, watching Beauty and the Beast is like watching the extended cut of Apocalypse Now, in that it's interesting to see all the extra scenes that have been slotted into a classic film, but it's obvious why they were omitted in the first place.

Примером интертекстуальности является отсылка к фильму Apocalypse Now и классической версии Beauty and the Beast. Автор статьи сравнивает недавно вышедший фильм «Красавица и Чудовище» с классической версией этого же фильма и с одним из лучших фильмов XX века. В данном случае явление интертекстуальности выполняет метатекстовую функцию, т.к. для понимания этого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником, т.е. определить значение опознанного фрагмента при помощи прецедентного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции. Таким образом, автор статьи предполагает наличие у читателей знаний о фильме «Апокалипсис сегодня» и, также предполагается, что абсолютно все смотрели классическую постановку фильма «Красавица и Чудовище», дабы сравнение новой и старой версии было более адекватным.

Перевод на русский язык:

В каком-то смысле «Красавица и чудовище» напоминает расширенную версию «Апокалипсиса сегодня»: конечно, интересно посмотреть дополнительные сцены, которых не было в классической постановке, но становится совершенно понятно, почему их в итоге вырезали.

При переводе на русский язык явление интертекстуальности сохранилось. Автор не применял трансформаций и пояснений при переводе имен собственных, т.к. они известны очень широкому кругу людей и не нуждаются в пояснении.

Следующий пример относится к сфере литературы:

We drive up into the Urals to the border site and are greeted by the «hostess of the mountains», dressed in a green Slavic fairy-queen dress and headdress, her character based on that of a local 19th-century writer's folk tales.

Явлением интертекстуальности в данном случае является выражение *hostess of the mountains*. Интертекстуальное включение имеет референтивную функцию, т.к., по мнению автора, отсылка к литературному произведению очевидна. Кроме того, автор дает подробное пояснение англоязычному читателю, подразумевая, что не все англоязычные читатели знакомы со славянским фольклором.

Перевод на русский язык:

Мы едем вверх, взбираясь на Уральские горы до участка условной границы, где нас встречает «хозяйка горы» одетая в зеленый сарафан и головной убор славянской сказочной царицы — персонажа из народных сказок местного писателя-сказочника XIX века.

Явление интертекстуальности было переведено без использования трансформаций, так как это выражение вызывает у русскоязычного читателя однозначные ассоциации. Увидев данное словосочетание мы невольно вспоминаем детскую сказку «Хозяйка Медной горы» и текст приобретает уже немного другую окраску – появляется атмосфера волшебства.

Следующий пример относится к сфере политики и мифологии:

This cannot mean a return to the failed policies of the past. The days of Britain and America intervening in sovereign countries in an attempt to remake the world in our own image are over.

Примером интертекстуального включения являются выражения *a return to the failed policies of the past* и *in our own image*. Первый прецедентный феномен заставляет нас вспомнить о временах, когда Америка и Британия проводили захватническую политику, пытаясь расширить территорию. Второй пример является отрывком из библейской цитаты: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Первый вид интертекстуального включения выполняет референтивную функцию, т.к. идет

отсылка к историко-политическим событиям, а второй пример выполняет апеллятивную функцию, т.к. идет отсылка к тексту Библии в составе данного текста.

Перевод на русский язык:

*Это не может означать возвращение к провальной политике прошлого.
Времена, когда Британия и Америка проводили интервенции в суверенных странах в попытке переделать мир по своему подобию, прошли.*

В первом случае при переводе на русский язык переводчик не прибегал к пояснениям и фоновым ссылкам, ожидая, что читатель знает, что происходило во времена навязывание Америкой и Британией другим странам своего образа жизни. Во втором случае мы встречаем аллюзию, т.е. автор намекает на текст Библии.

Рассмотрим следующий пример, относящийся к сфере фольклора и политики:

The North German empire – now, after Trump and Brexit, perhaps the world's standard-bearer of Atlanticism – and its quasi-satellites have the most decidedly anti-Russian positions. Notably, Fidesz is part of this grouping, for all the alarmed rhetoric about Orban as Putin's Trojan horse in Europe.

Прецедентными текстами являются словосочетание Trump and Brexit и выражение Trojan horse. По первому выражению мы можем вспомнить, что в течение более чем шести десятилетий США активно поддерживали европейскую интеграцию и были ее гарантом. По сути дела, Америка была главной державой Европы. А теперь Трамп хочет перевернуть эту политику с ног на голову. «Брекзит», надеется он, станет началом развала европейского проекта. Второе выражение интертекстуальности заставляет нас вспомнить историю о Троянском Коне, с помощью которого тридцать бойцов Одиссея попали внутрь Трои, что говорит не только о коварстве нападающих, но и о наивности защитников. Читателю становится понятным, что Виктор Орбан – премьер-министр Венгерской Республики, является, по версии многих, троянским конем, способным влиять на Европу изнутри и быть своего рода тайным оружием президента России Владимира Путина.

В статье явления интертекстуальности выполняют референтивную функцию, т.к. происходит отсылка к хорошо известным прецедентным текстам в прошлом.

Перевод на русский язык:

Северо-Германская империя – теперь, после Трампа и Брекзита, являющаяся, возможно, мировым предводителем атлантизма – и ее полу-сателлиты наиболее решительно занимают антироссийские позиции. Примечательно, что партия «Фидес» является частью этой группировки, несмотря на всю обеспокоенную риторику об Орбане как «троянском коне» Путина в Европе.

При переводе не были употреблены трансформации, т.к. словосочетание «Троянский конь» является нарицательным и имеет весьма определенное значение. Переводчик не посчитал нужным пояснять русскоязычному читателю о событиях «после Трампа и Брекзита», ожидая, что в свете последних политических событий, это и так понятно.

Как мы видим, из прецедентных феноменов, относящихся к области искусств, подавляющая часть примеров относится к сфере кино, потому что в настоящий момент индустрия кино активно развивается и представляет наибольший интерес для широкого круга людей. При передачи явлений, относящихся к сфере искусства, на русский язык переводчик не считает нужным прибегать к помощи фоновых ссылок или каких-либо других способов пояснения и уточнения информации статьи. По мнению, переводчика, такая сфера жизнедеятельности человека как искусство не нуждается в пояснении, и статьи, содержащие в себе прецедентные феномены из этой области, должны быть поняты без труда.

2.3. Передача прецедентных феноменов, относящихся к области науки

Область науки включает следующие сферы гуманитарных и естественных знаний, как математика, физика, химия, биология, история, география, филология. В исследуемых нами текстах электронных средств массовой информации нам

встретились прецедентные феномены, относящиеся к сферам биологии, истории, географии и филологии.

Приведем пример, относящийся к области филологии:

So it's like Mikhail Bakhtin's «carnival», the authorised chaos in a world of total control. Russia's freedom to lose your head has a dark side, too: domestic violence, abandoned children, alcoholism, the highest number of divorces per capita in a developed country. Is «losing your head» really freedom or a just lack of responsibility?

Интертекстуальность заключается в отсылке к семиотической теории карнавала, изложенной М.М. Бахтиным, а также устойчивое словосочетание *lose your head*. В данном случае примеры имеют референтивную функцию, т.к. автор ссылается на иной текст, в частности, на теорию Бахтина и устойчивое выражение, часто встречающиеся в речи как англоговорящего, так и русскоговорящего человека.

Перевод на русский язык:

Это получается по Бахтину: карнавал, узаконенный беспредел в мире тотального контроля. Вот эта свобода потерять голову имеет и темную сторону: семейное насилие, брошенные дети, алкоголизм, самое высокое на душу населения количество разводов среди развитых стран. «Потерять голову» — это свобода или безответственность?

Как мы можем видеть, при переводе сохранилась фоновая ссылка к автору, не наблюдается пояснений к тексту и фоновых ссылок к работе. Из этого мы можем сделать вывод, что и сам автор статьи, и переводчик посчитали уместным не давать фоновых ссылок, ожидая от адресата осведомленности в этой теме. Устойчивое выражение было переведено эквивалентным переводом.

Рассмотрим пример, относящийся к области истории:

Similarly flawed is the argument that the United States should put recent transgressions aside and announce another reset with Russia. Yes, the Obama Administration tried this approach in our first term. But 2017 is not 2009.

В данном примере явлением интертекстуальности является выражение

another reset with Russia, которое относит нас к перезагрузке отношений между Россией и США, которая формально произошла во времена правления Президента США Барака Обамы. Тогда в 2009 году на встрече в Женеве глава МИД РФ Сергей Лавров и госсекретарь США Хилари Клинтон обменялись символической кнопкой «перезагрузки», дав старт пересмотру отношений Москвы и Вашингтона, ухудшившихся за восемь лет правления предыдущей администрации США. Как мы знаем, это положило начало улучшению взаимоотношений между странами: обмену в области науки, техники, образования, культуры и других областях. Таким образом, читая данную статью необходимо иметь представление, что принесла перезагрузка нашей стране, чтобы понимать, что речь идет о положительной динамике изменения отношений между двумя державами. Далее сравнивается успешная перезагрузка 2009 года с сомнительной перспективой повторения попытки восстановления отношений в будущем.

По нашему мнению, интертекстуальное включение выполняет референтивную функцию. Автор, ссылаясь на прецедентные тексты, подразумевает осведомленность читателей в этой сфере и не считает нужным давать пояснения.

Перевод на русский язык:

Столь же ошибочен довод о том, что Соединенные Штаты должны забыть о последних нарушениях России и начать с ней новую «перезагрузку». Да, администрация Обамы пыталась это сделать в свой первый срок. Но 2017 год это не 2009-й.

При переводе на русский язык переводчик не прибегнул к трансформациям или фоновым ссылкам, т.к. история о перезагрузке отношений между Россией и США не нуждается в пояснении, это на слуху практически у всех. Термин «перезагрузка отношений» уже стал ассоциироваться не только с Россией и США, но и с любого рода изменением отношений, направленным на их улучшение.

Рассмотрим следующий пример, относящийся к сфере биологии и истории:

Remarkably, the version of the EPAS1 gene associated with high-altitude adaptation was found in the DNA of the extinct cousins of the Neanderthals known as

Denisovans, whose fossilised remains were found in a Siberian cave in 2010.

В статье мы видим отсылку к термину «денисовский человек», что является понятием из области биологии и истории. Он обозначает предположительно вид/подвид вымерших людей, известный по крайне фрагментарному материалу, обнаруженному в Денисовой пещере в Солонешенском районе Алтайского края России. Интертекстуальное включение выполняет референтивную функцию, т.к. происходит отсылка к тексту, который, по мнению автора, является хорошо известным читателям статьи. Автор рассчитывает на осведомленность читателей в области биологии и истории этапов происхождения человека и считает, что в данном случае можно обойтись без дополнений в виде фоновых ссылок.

Перевод на русский язык:

Примечательно, что версия гена EPAS1, связанного с адаптацией к высотам, была обнаружена в ДНК вымерших двоюродных братьев неандертальцев, известных как денисовский человек, чьи окаменелые останки были найдены в сибирской пещере в 2010 году.

Пример переведен без переводческих трансформаций, т.к. это термин, относящийся к области биологии, и, по мнению автора, должен быть хорошо знаком всем. Однако, в данном случае мы считаем, было бы уместным дать фоновую ссылку, т.к. не все читатели обладают достаточными знаниями в этой сфере.

Рассмотрим следующий пример, относящийся к областям истории и географии:

Russia has become a sort of melting pot, and the descendants of those «wild Asians», stroll along Orenburg's footbridge along with ethnic Russians, with little to distinguish them but their facial features.

Примером интертекстуальности является выражение melting pot. Melting pot (плавильный котел) – это модель этнического развития, пропагандируемая в американской культуре в XX веке. В соответствии с данной парадигмой, формирование американской национальной идентичности должно было идти по формуле «сплавления», «смешивания» всех народов, при этом предполагалось, как

их культурное, так и биологическое смешение. Выражение *melting pot* выполняет функцию метафоры, т.к. Россию сравнивают с Америкой: население такое же многонациональное.

В этой статье интертекстуальное включение выполняет референтивную функцию, т.к. происходит отсылка к фоновым знаниям читателя. Таким образом, по мнению автора статьи, читатель должен понимать, в чем заключается значение данного выражения, чтобы адекватно понять статью.

Перевод на русский язык:

Россия стала своего рода плавильным котлом, и потомки тех «диких азиатов» прогуливаются по оренбургскому мосту рядом с этническими русскими и мало чем отличаются от них – разве, что чертами лица.

Данный пример переведен без использования трансформаций, т.к. является устойчивым словосочетанием. Словосочетание «плавильный котел» стало уже нарицательным и обозначает не только смешение рас в Америке, но и в принципе смешение народов как явление в целом.

Рассмотрим следующий пример, относящийся к сфере истории, но имеющий политическую подоплеку:

In the quarter-century since the end of the Cold War, profound grievances, misperceptions and disappointments have often defined the relationship between the United States and Russia. I lived through this turbulence during my years as a diplomat in Moscow, navigating the curious mix of hope and humiliation that I remember so vividly in the Russia of Boris N. Yeltsin, and the pugnacity and raw ambition of Vladimir V. Putin's Kremlin.

Интертекстуальными включениями в статье отсылки к историческим явлениям, а именно к периоду холодной войны между США и СССР и периоду правления в России Б.Е. Ельцина. В первой части высказывания нам встречается упоминание о мировой конфронтации между двумя военно-политическими блоками. Автор статьи полагает, что в этом случае вполне можно обойтись без употребления дополнительных пояснений, т.к. это событие должно быть хорошо

известно читателям по обе стороны океана. Мы считаем, что данный прецедентный феномен выполняет референтивную функцию, т.к. несет в себе опыт и знания прошлых поколений. Читатели, увидев это словосочетание, без труда вспомнят, что происходило в те времена, и, как следствие, поймут позицию автора. Далее мы видим упоминание о России во время правления Бориса Ельцина. Как мы знаем, Б. Ельцин был первым президентом России. Во время нахождения его у власти в России произошло немало крупных изменений во всех сферах жизни общества. Как и в предыдущем случае, автор не дает никакой пояснительной информации, считая, что читатель осведомлен об этом периоде истории России, что, по нашему мнению, весьма опрометчиво, т.к. рядовые читатели в странах Запада вовсе не обязаны знать историю России при Б. Ельцине. В данном случае прецедентный текст выполняет метатекстовую функцию. Читая статью, люди должны «увидеть» все те события, происходящие в России во времена правления первого президента.

Перевод на русский язык:

В течение тех 25 лет, которые прошли с момента окончания холодной войны, отношения между США и Россией зачастую определялись множеством глубоких обид, заблуждений и разочарований. Я испытывал на себе последствия этой напряженности в те годы, когда в качестве дипломата я находился в Москве, пока Россия пыталась найти себя, лавируя между надеждами и унижениями в эпоху Бориса Ельцина, а позже в атмосфере жесткого контроля и примитивных амбиций Кремля Владимира Путина.

При передачи интертекстуальных включений переводчик не использовал фоновые ссылки или какую-либо дополнительную информацию, рассчитывая на широкий круг знаний своих читателей. Мы считаем, что это оправдано лишь отчасти. Первый случай, возможно, и не нуждается в пояснении, т.к. это довольно известный термин, который стал уже именем нарицательным для обозначения натянутых отношений между странами. Во втором же случае, по нашему мнению, переводчику стоило включить небольшое пояснение, чтобы текст воспринимался легче, ведь не все могут знать историю России при Б. Ельцине.

Рассмотрим следующий пример, относящийся к сфере истории:

Readers will know exactly what I am describing. The Warsaw Uprising, of course, 1944, not 2016. The scenes are eerily familiar to all that other blood-soaked footage from Aleppo we've been watching more recently – but, in one critical way, very different.

Прецедентный феномен – это выражения *The Warsaw Uprising* и название города *Aleppo*. В первом фрагменте данной статьи рассказывается о восстании против гитлеровских оккупантов в Варшаве с 1 августа по 2 октября 1944 года, события которого, по мнению автора, должны быть известны читателю статьи. Пример интертекстуальности в данном случае имеет референтивную функцию. Далее автор сравнивает эти события с событиями в Алеппо. Автор предполагает, что, во-первых, читатель в курсе последних событий в Алеппо, а во-вторых, знает, что происходило в ходе Варшавского восстания, чем оно закончилось и к чему привело, и может их сопоставить, а также сделать соответствующие выводы.

Пример интертекстуальности в данном случае имеет референтивную функцию, т.к. автор ссылается на прецедентные источники, которые по его мнению, не вызовут сложностей в адекватном восприятии материала.

Перевод на русский язык:

Читатели, конечно, сразу поняли, о каких событиях я говорю. Разумеется, о Варшавском восстании 1944 года, а вовсе не о том, что происходит сейчас. Все это, действительно, пугающе похоже на кадры кровопролития в Алеппо, которые мы регулярно видим, однако между двумя хрониками есть некоторая разница.

На русский язык прецедентные феномены были переведены без использования трансформаций, т.к. события, описанные в тексте являются историческими реалиями, хорошо знакомыми абсолютно каждому. Переводчик не прибегнул к пояснениям и фоновым ссылкам, т.к. был уверен, что русскоговорящему читателю знакомы эти явления.

Прочитав большое количество статей, относящихся к области науки, мы пришли к выводу, что прецедентные феномены, связанные с какой-либо областью науки, зачастую бывает трудно понять, а, как следствие, теряется смысл статьи и

позиции автора. Мы считаем, что тексты, пусть даже косвенно касающиеся таких сфер как историю, мифология и биология, иногда могут требовать наличия не только фоновых знаний, но и более точных. При передачи интертекстуальных включений на русский язык, переводчик также не счел нужным помогать читателям понять смысл статьи, расшифровывая то или иное включение.

Заключение

Целью данного исследования было изучение способов передачи на русский язык явления интертекстуальности или прецедентных феноменов, относящихся к различным сферам деятельности человека, и используемых в современном медиадискурсе.

На пути к достижению данной цели были поставлены и решены ряд задач. Среди них было определение понятия интертекстуальности, видов и характерных особенностей данного явления, изучение и описание основных характеристик медиадискурса и выделение функций интертекстуальности в текстах средств массовой информации, а также характеристика способов передачи прецедентных феноменов на русский язык в зависимости от источника заимствования.

В ходе изучения теоретических трудов по теме, были сделаны выводы о том, что интертекстуальность – это присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или целых вводимых рассказов.

В нашем исследовании способов передачи прецедентных феноменов в текстах средств массовой информации на русский язык была использована классификация интертекстуальности по источникам прецедентных текстов (социальная область, в которой были выявлены прецедентные феномены, относящиеся к сферам политики, войны и развлечений; область искусств (кино, литература, мифология и фольклор) и область науки, которая включает сферы биологии, истории, культурологии).

Дискурс принято понимать как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами.

В условиях современного общества, в котором важнейшей движущей силой является информация и в котором ее производство и управление становится культурным, идеологическим и маркетинговым проектом, ключевым дискурсом, формирующим концептуальную картину мира человека, становится медиадискурс.

Характерными признаками массмедийного дискурса являются: открытость и сфокусированность на социально резонансных фактах и их концептуально-эмоциональная разработка, оказание моделирующего эффекта, использование разностилевых средств и способов для репрезентации социальной реальности и др.

Особенностью массмедийного дискурса является способность порождать интенсивные информационно-смысловые (когнитивные) потоки и жестко управлять ими. В данном типе дискурса когнитивные механизмы социальной памяти обусловлены идеологией, которая обнаруживается в способности ассоциировать те или иные факты, понятия.

Целью медиадискурса является трансляция метафор, именований, понятий, образов, оценок, мифологем и др. на широкую, признаково-неоднородную аудиторию с целью корректировки сознания и общих мировоззренческих принципов.

В ходе изучения англоязычных текстов электронных средств массовой информации было выявлено, что интертекстуальность широко используется в современном медиадискурсе и выполняет ряд функций, а именно референтивную, метатекстовую и экспрессивную. Также были выделены и охарактеризованы лингвостилистические особенности медиадискурса.

По результатам анализа статей англоязычных электронных изданий, было выявлено следующее.

При написании статей таких популярных изданий, как *The New York Times* или *Aeon*, автор часто ссылается на прецедентный текст, на то, что, по его мнению, поможет сделать текст более выразительным и понятным.

Прежде всего, нами было выявлено большое количество интертекстуальных включений в текстах СМИ. Грамотное использование прецедентного феномена значительно улучшает восприятие текста, вызывает нужные ассоциации у читателя и помогает автору доказать свою позицию.

Во второй главе были детально изучены прецедентные феномены, их классификация по источникам заимствования и анализ способов их передачи на

русский язык. Далее были описаны явления интертекстуальности в различных сферах деятельности человека: тексты, относящиеся к социальной области, к области искусств и к области науки. Каждая область подразделяется на несколько сфер, но в нашей работе из социальной области нам встретились только тексты из сфер политики, войны и развлечений. Из области искусств нам встретились тексты из сфер кино и литературы, мифологии и фольклора. А из области науки нам встретились тексты из сфер филологии, истории и биологии.

Итак, анализ лингвостилистических особенностей прецедентных текстов позволяет сделать следующие выводы.

Методом сопоставительного анализа было установлено, что практически не встречаются переводческие трансформации при переводе интертекстуальных включений в статьях из сфер политики, истории и кино. Но при переводе прецедентных феноменов из сфер литературы или биологии, переводчик прибегает к лексическим добавлениям, пояснениям и сноскам, адаптациям.

Способ перевода зависит от вида интертекстуальных включений. Если прецедентный феномен известен широкому кругу людей, и переводчик уверен, что читатель знает эти феномены, то переводчик может не прибегать к переводческим трансформациям. Если переводчик считает, что русскоязычный читатель может не знать прецедентный текст в силу неактуальности информации или общей неосведомленности, переводчик может прибегнуть к добавлению информации с учетом особенностей русскоязычной культуры.

Перспективы дальнейшего исследования по теме могут заключаться в выявлении и анализе явления интертекстуальности в других источниках средств массовой информации.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Ставрополь: СГПИ, 2009. № 7.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 9-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2009.
3. Барт Р. S/Z Общая редакция и статья Г.К. Косикова. 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2009.
4. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990.
5. Бобырева Е.В., Карасик В.И. Прецедентность религиозного дискурса // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – М.: Флинта; Наука, 2014.
6. Битокова М.В. Эпиграф как интертекстуальный компонент поэтического текста // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. №3.
7. Воркачев С.Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – М.: Флинта; Наука, 2014.
8. Горбунова М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27.
9. Горлатов А.М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке: монография. – Мн.: МГЛУ, 2010.
10. Дейк, ван Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – № 23.
11. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. – М.: МАКС-Пресс, 2012.

12. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008.
13. Дубских А.И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в массмедийном дискурсе (на материале «звездных» интервью): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Челябинск: ЧГУ, 2014.
14. Зяблова Н. Н. Дискурс и его отличие от текста // Молодой ученый. – 2012. – №4.
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М: Гнозис, 2004.
16. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. – М.: МГУ, 2008.
17. Комиссарова Н. Г. Поликодовый текст в англоязычном рекламном дискурсе // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч.тр. Вып. 8. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011.
18. Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации. Лексико-семиотический аспект. – Воронеж, 2013.
19. Кристева Ю., Бахтин М. Слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – М, 1993, № 4
20. Кузьмина Н. А. Медиатекст как объект медиалингвистики // Современный медиатекст. – Омск: Омский гос. ун-т, 2011.
21. Кукуева А.А. Российская литература в кросс-культурном пространстве: из опыта типологического изучения // Проблемы изучения национальных литератур: материалы Международной научной конференции (25–26 июня 2015 г.). – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2015.
22. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000.
23. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в средствах массовой коммуникации. Монография. – Екатеринбург: УрГПУ.

24. Полонский А.В. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурсанализ. 2012.
25. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Общ.ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова; пер. с фр. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
26. Серебряков А.А, Серебрякова С.В. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 1.
27. Силантьев И.В. Дискурс и жанр // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. № 6.
28. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.
29. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе / под общ.ред. Г. Я. Солганика. – М.: МГУ, 2000.
30. Солганик Г.Я. Предисловие // Язык современной публицистики: Сб. статей/ Сост. Г.Я. Солганик. – М., 2005.
31. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. – М.: Комкнига, 2007. – Изд. 3-е, стереотипное.
32. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – (Студенческая библиотека)
33. Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков, 2008.
34. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М.: Флинта: Наука, 2006.
35. Шестак Л. А. Интертекстуальность и когнитивная теория текста Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. – М.: Флинта; Наука, 2014.

36. Шукуров Д.Л. Дискурс М.М. Бахтина и теория интертекстуальности // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки», 2012.
37. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна. Философия эпохи постмодерна. — Мн., 1996.
38. Allori L. Mass media. – Milano, 1992.
39. Gee J P. Social linguistics and literacies: Ideology in discourses. Critical perspectives on literacy and education. – London: Falmer Press, 1990.
40. Hirsch E.D. Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. – N.Y., 1987.
41. Johnstone B. Discourse Analysis 2nd Edition. – Wiley-Blackwell, 2009.

Список источников фактического материала

1. <https://aeon.co;>
2. <https://consortiumnews.com;>
3. <https://www.opendemocracy.net;>
4. inosmi.ru;
5. perevodika.ru;
6. www.independent.co.uk;
7. www.nytimes.com;
8. www.salon.com;
9. www.slate.com;
10. www.thedailybeast.com.